

UNITED WISDOM

Весы жизни и масса: когда обладание становится служением

Свобода и действие

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

A47 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Весы жизни и масса: когда обладание становится служением

Эпиграф

«Кто владеет многим, тот многому и служит» — мысль в духе Луция Аннея Сенеки, развитая в «Письмах к Луцилию» (ср. письма 28 и 5): мудрец относится к богатству как к рабу, глупец — как к господину.

О чём эта статья

Существует прямая пропорциональность между масштабом полномочий решающего и степенью абстракции, на которой оценивается человеческая жизнь. Чем большее количество существ подчинено чьей-то инстанции, тем менее конкретной, более функциональной и, следовательно, более расходуемой становится единица. Этот механизм не психологический, а структурный: он работает в военной администрации, экономике, политике и медицине. Однако статья идёт дальше, показывая, что любое обладание — властью, капиталом, статусом — создаёт парадоксальную зависимость: субъект становится слугой своего объекта. Именно страх потери этого массива (страх возврата в пустоту) порождает готовность к радикальной аморальности. Через анализ исторических примеров и философских традиций (от стоицизма до буддийской срединности) статья обосновывает необходимость экзистенциального баланса: свобода возможна только при установленном пределе накопления, где вещи остаются инструментами, а не хозяевами.

@andrey.zarinsh @ilkutki

I. Арифметика масштаба: как дистанция производит расходуемость

В институциональной реальности ценность человеческой жизни определяется не индивидуальной уникальностью, но положением в матрице приоритетов. Это не цинизм, а бюрократическая рациональность (Zweckrationalität по Веберу): чем выше уровень агрегации, тем более жизнь превращается в статистическую единицу. В медицинской триаже (triage) при массовых катастрофах врач оперирует категориями «ожидаемая продолжительность» и «вероятность выживания», а не личностью; в военной логистике солдат — это «единица личного состава» (headcount); в экономической политике безработица измеряется процентами, а не биографиями. Ханна Арендт в «Эйхмане в Иерусалиме» показала, что зло здесь не демонично, а банально: оно возникает из способности администратора абстрагироваться от конкретности жертвы.

Пропорциональность прямая: масштаб решения делает человека заменимым (fungibel).

Это создаёт специфический тип морального вакуума, где решение «пожертвовать пятью, чтобы спасти десять» не требует героизма, но требует способности мыслить матрицей, а не плотью.

II. Тяжесть селектора: моральная травма выбора

Те, кто решает, кем жертвовать (от военных трибуналов до директоров больниц), сталкиваются с феноменом, который психиатрия называет «моральной травмой» (moral injury), а экзистенциальная философия — «бременем свободы» (Сартр). Бремя здесь не метафорическое: невозможность соблюсти абсолютный долг при ограниченных ресурсах порождает паралич ответственности. В «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицын описывает фигуры распорядителей-заключённых, которым приходилось решать, кто пойдёт на работу, а кто на гибель; их психическое разложение было не менее страшным, чем физическое уничтожение тех, кого они «отбирали». Принятие решения на масштабе, где любой выбор означает смерть других, разрушает субъектность: человек становится «частью механизма», как защищался Эйхман на процессе. Это онтологический вызов (ontologische Herausforderung): как остаться субъектом, действуя в системе, которая требует твоей объектности?

III. Онтологическая инверсия: овладение как одержимость

Маркс в «Экономико-философских рукописях» 1844 года описал «таинственный» характер товара: вещь, которая должна была быть средством, становится самоцелью, а человек — её приложением. Это не только экономический фетишизм, но экзистенциальная инверсия. Хайдеггер в «Бытии и времени» анализирует «люди» (das Man), где человек определяется не своим «собственным» (eigen), но обладанием: «иметь» определяет «быть». Сартр в «Бытии и ничто» добавляет: владение — магический способ существования в мире (magische Existenzweise), где субъект пытается через вещь присвоить бытие, но в итоге вещь присваивает его. Результат — рабство вещей (Sklavendienst der Dinge): человек, обладающий дворцом, становится дворецким своего дворца, богач — бухгалтером своего капитала. Здесь нет морального осуждения, но структурное описание: обладание порождает заботу (Sorge), которая заполняет всё время, отнимая возможность отрешённости (Gelassenheit), необходимой для свободы.

IV. Бездна потери: когда страх становится тотальным

Томас Гоббс в «Левиафане» (1651) полагал, что страх насильственной смерти (fear of violent death) есть основа общественного договора. Однако более радикальным является страх возврата к ничему — потери накопленного массива (massa). Этот страх не рационален, но экзистенциален: он связан с угрозой распада того искусственного «я», которое конституируется через имущество. Когда человек отождествляет себя со своими активами, утрата последних воспринимается как смерть. Поэтому готовность к «всему» — обману, насилию, предательству — возрастает пропорционально объёму владения. Макиавелли в «Государе» заметил, что князь, потерявший власть, не может быть ничем; современный олигарх, потерявший капитал, оказывается «ничем» в социальном пространстве. Это порождает парадокс: чем больше у тебя, тем больше ты несвободен, так как любое действие становится функцией сохранения массы.

V. Мидас и Красс: историческая анатомия золотого рабства

История даёт множество примеров, когда масштаб обладания превращал субъектов в заключённых собственного богатства. Марк Лициний Красс (115–53 до н. э.), богатейший римлянин, погиб в 53 году до н. э. в битве при Каррах, преследуя не стратегическую победу, но парфянское золото. Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» отмечает, что Красс не мог остановиться, потому что его esse (существование) было тождественно его habere (имению). Людовик XVI (1754–1793), не способный отречься от привилегий ради сохранения жизни и короны, демонстрирует ту же структуру: страх потери status quo сделал его неспособным к компромиссу, что и привело к гильотине. Обратный пример — Диоген Синопский (412–323 до н. э.), который, отбросив чашу, увидел, что может пить из ладони: он освободился от предмета как от хозяина. Исторический опыт показывает: золото не столько коррумпирует, сколько подменяет субъекта.

VI. Исключения: Цинциннат и Марк Аврелий как техника баланса

Существуют исторические фигуры, которые поддерживали баланс между властью или богатством и свободой не через отказ, но через установление предела (limitatio). Луций Квинкций Цинциннат (по традиции назначенный диктатором Рима в 458 г. до н. э. для спасения республики от эквов) через шестнадцать дней вернулся к плугу, отказавшись от абсолютной власти. Его свобода заключалась в способности отпустить власть, не потеряв себя. Марк Аврелий (121–180 н. э.), римский император и стоик, в «Размышлениях» (Τὰ εἰς ἑαυτόν) практиковал «внутреннюю бедность» (paupertas interior), несовместимую с тщеславием власти, и трезво смотрел на императорские регалии как на внешнее, за которым всё та же смертность. Эти примеры показывают: баланс достижим не через минимализм, но через инструментализацию власти — использование её как орудия, а не как идентичности.

VII. Точка абсолютного имущества: почему максимум богатства равен максимуму несвободы

Существует асимптотическая кривая, после которой увеличение капитала перестаёт увеличивать свободу и начинает её экспоненциально сокращать. Это точка, где обслуживание активов требует ста процентов времени и когнитивных ресурсов. Фуко в «Безопасности, территории, населении» анализирует как раз этот момент: население как масса становится объектом управления (biopolitique), а управленец — его заложником.

Владелец мегакорпорации, частного острова или политической партии находится в состоянии тотальной защитной реакции: любое изменение воспринимается как угроза.

Буддийская концепция танха (tṛṣṇā, жажда) описывает именно этот механизм: чем больше приобретается, тем сильнее жажда приобретать и сохранять, создавая бесконечную петлю (saṃsāra). Абсолютное богатство равносильно абсолютной тюрьме, где заключённый сам себе стражник.

VIII. Необходимое равновесие: Аристотель, мадхьяма и зухд

Философские традиции предлагают не отказ от имущества, но его ограничение как условие свободы. Аристотель в «Никомаховой этике» (книга II) вводит понятие месотес (μεσότης) — середины между скупостью и расточительством, на которой и держится щедрость (liberalitas). Богатство здесь — инструмент (organon) для благих дел, а не цель.

В буддизме мадхьяма-пратипад (madhyamā-pratipad, срединный путь) учит избегать крайностей аскетизма и чувственного потакания. В исламе зухд (zuhd, благочестивое воздержание) означает владение вещами «в руке, а не в сердце», что параллельно стоическому отношению к адиафора (adiaphora — безразличным с точки зрения блага вещам). Эти традиции сходятся в одном: свобода требует разрежения массы имущества,

создания «зазоров», через которые может проходить независимость. Баланс — это не компромисс, но стратегическая необходимость.

IX. Стратегия отречения: диогеновская практика как свобода

Отречение (renuntiatio) есть не отрицание жизни, но её концентрация. Диоген, живший в большом глиняном сосуде (πίθος), демонстрировал, что минимум имущества создаёт максимум автономии (autarkeia). Это не аскетизм ради страдания, но тренировка (askēsis) в невосприимчивости к потере. Стоики практиковали praemeditatio malorum — предвосхищение бедствий, чтобы потеря перестала быть угрозой. В современном контексте это означает диверсификацию не только активов, но и идентичности (не быть «владельцем», но «человеком, который временно управляет»). Страх потери уменьшается не увеличением охраны, но уменьшением того «я», которому есть что терять.

X. Что это значит на практике

На практике это означает установление «порога достаточности» (threshold of sufficiency) — конкретной суммы или статуса, за пределами которого каждая дополнительная единица приносит не свободу, но рабство. Практика «добровольной простоты» (voluntary simplicity) не требует отказа от комфорта, но требует различения между «инструментом» и «хозяином». Это означает также отказ от позиций, где масштаб решений требует жертвования людьми как статистическими единицами; если занять такую позицию неизбежно, необходима «практика присутствия» — регулярное восстановление конкретности жертв (например, чтение имён, а не цифр). Наконец, это означает экономическую «диверсификацию свободы»: хранение части активов в форме, легко конвертируемой в автономию (liquid assets), а не только в форме, требующей постоянной охраны (недвижимость, статус). Свобода не в отсутствии вещей, но в способности ими пожертвовать, не погибнув.

Ключевая цитата

«Богатство состоит не в обладании многими вещами, но в отсутствии многих потребностей. Тот, кто мало хочет, богат; тот, кто много хочет, беден, даже если владеет всем миром. Ибо он служит своим желаниям, а они — его тюремщики. Всякий, кто не может отдать то, что имеет, тот не владеет, но одержим; и чем больше у него, тем тяжелее оковы» — мысль, приписываемая Эпиктету (ок. 50–135 н. э.), вольный пересказ в духе его «Бесед» и «Энхиридиона».

Связи между традициями

• Месотес (Аристотель) ↔ Мадхьяма-пратипад (Будда) ↔ Зухд (ислам) — три

концепции срединного пути между накоплением и отречением, где богатство допустимо как инструмент, но разрушительно как цель.

• Zweckrationalität (Вебер) ↔ бюрократическая абстракция (Арендт) ↔ майя (адвайта)

— механизмы, через которые конкретное существование превращается в функциональную единицу, доступную для «расходования».

• Praemeditatio malorum (стоики) ↔ маранасати (буддийская медитация на смерть) ↔

memento mori (христианская практика) — техники уменьшения власти страха потери через предвосхищение распада.

• Das Man (Хайдеггер) ↔ «внешний человек» (русская духовная традиция) ↔ нафс

(суфизм) — понятия ложного «я», конституируемого через обладание и социальное одобрение.

• Цинциннат (Рим) ↔ Джордж Вашингтон (США) ↔ Умар ибн Абд аль-Азиз (халифат) —

исторические примеры добровольного ограничения власти как доказательства автономии духа.

Первоисточники

• 1. Аристотель. Никомахова этика, кн. II. — теория месотес и отношения к богатству.

• 2. Марк Аврелий. Размышления, II.2, IV.3. — практика внутренней бедности при внешней

• власти.

• 3. Эпиктет. Беседы (Диссертации) и Энхиридион. — свобода как независимость от

• внешнего.

• 4. Плутарх. Сравнительные жизнеописания, «Красс». — механизм золотого рабства.

• 5. Гоббс Т. Левиафан, гл. 13–14. — страх как основа общества и власти.

• 6. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года. — фетишизм товара и инверсия

• субъекта.

• 7. Хайдеггер М. Бытие и время, § 25–27. — анализ «das Man» и заботы (Sorge).

• 8. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто, ч. II. — магия владения и одержимость.

• 9. Арендт Х. Эйхман в Иерусалиме. — банальность зла и масштаб администрирования.

• 10. Вебер М. Наука как призвание и профессия. — рационализация и «расколдовывание»

• мира.

• 11. Фуко М. Безопасность, территория, население. — биополитика и масштаб управления.

• 12. Макиавелли Н. Государь, гл. 17. — страх потери власти.

• 13. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. — психология распорядителей и сломленность

• субъекта.

• 14. Сенека Л. А. Письма к Луцилию, 5, 28, 90. — рабство вещей и свобода от

• потребностей.

• 15. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, кн. VI. —

• анекдоты о Диогене и отречении.

• 16. Internet Encyclopedia of Philosophy, «Stoicism». https://iep.utm.edu/stoicism/

• 17. Stanford Encyclopedia of Philosophy, «Moral Injury».

• https://plato.stanford.edu/entries/moral-injury/

• 18. Дхаммапада, 186–187. — о непостоянстве и свободе от жажды.

Теги масштаб, триаж, моральная травма, фетишизм товара, зухд, месотес, мадхьяма, цинциннат, красс, марк аврелий, диоген, стоицизм, аристотель, хайдеггер, сартр, маркс, гоббс, солженицын, ханна арендт, биополитика, страх потери, рабство вещей, автономия, отречение, практика достаточности, свобода через ограничение, бюрократическая рациональность, zweckrationalität, das man, adiaphora, лимит, баланс власти

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Отвечает за стратегию, выбор тем, редакционный тон и финальную правку. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Отвечает за практическую проверку идей и за то, чтобы тексты не отрывались от реальной жизни. Она стремится проверять то, о чём мы пишем, на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальных отношениях между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.